

Г Л А В А II.

НА ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОМЪ ТЕАТРѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(1707—1710 г. г.)

Зима 1706/7 гг. была крайне переменчивая. Великіе въ началѣ морозы смѣнились чуть ли не веспнимъ тепломъ; рѣки тронулись; непролазная грязь покрыла и безъ того отчаянныя польскія дороги.

„Постояннаго времени однакожь трудно ожидать“, писалъ Меншиковъ Государю,¹ „понеже каковыя люди въ Польшѣ постоянны, таково и время. Самъ уже изволишь разсудить, какъ зѣло необходимо суть личности Вашей здѣсь быть, въ такомъ нынѣшнемъ противномъ случаѣ“.

И Петръ спѣшилъ. 27-го декабря 1706 г., Онъ былъ въ Острогѣ, 28-го пріѣхалъ въ Жолкву (Жолкевку), гдѣ собрались всѣ выдающіеся русскіе начальники: Меншиковъ, Шереметевъ и другіе. Вскорѣ туда прибыло польское посольство.²

Завязались безконечные, утомительные переговоры, взаимныя обвиненія и пререканія.

Первымъ дѣломъ, поляки объявили жалобу на войска.

„Не только обыкновенный провіантъ берутъ хлѣбомъ и мясомъ и лошадямъ фуражъ“, говорили они³ „но офицеры берутъ по своимъ прихотямъ, кто что захочетъ, и чего въ иныхъ мѣстахъ, именно въ деревняхъ, купить и промыслить нельзя, напримѣръ: корицу, сахаръ, гвоздикъ, лукъ, перецъ, огурцы, сельди, пиво, медъ, вино; если гдѣ этого не сыщется—правятъ большіе деньги, берутъ

подъ провіантъ подводы и лошадей, чего ужъ терпѣть больше нельзя, ибо самимъ владѣльцамъ насущнаго хлѣба уже мало что осталось.“ Въ заключеніе послы требовали: „спрашивать зимовый провіантъ только для рядовыхъ, а не для офицеровъ; а если въ томъ льготы не будетъ, то съ мая 1707 года давать провіанту не обѣщаютъ, и не хотятъ.“

Не помогали никакіе резоны: что царское войско введено по ихъ желанію, по договору, что польза для нихъ отъ этихъ войскъ очевидна, что войска наши охраняютъ жизнь, вольности, поляковъ отъ непріятели. Наконецъ, Петръ объявилъ рѣшительно, что отъ дачи провіанта они уволены быть не могутъ.

Въ полки посланъ слѣдующій указъ: „всякихъ денежныхъ и прочихъ, сверхъ указныхъ, взятковъ и поборовъ, а наипаче разоренія и обидъ, конечно-бъ самимъ не чинить, и подъ командою вашею обрѣтающимися людямъ запретить, подъ опасеніемъ живота и смерти.“ Такъ покончили съ довольствіемъ. Но провіантъ составлялъ одну сотую часть недорозумѣній нашихъ съ союзниками.

Въ Польшѣ всё дѣла шли, „какъ молодая брага“, по выраженію Царя, и ни начто нельзя было положиться. Не привели ни къ какимъ результатамъ и дипломатическія средства, съ цѣлію пріискать посредниковъ для заключенія мира. Нужно было взять войну на одиѣ русскія плечи.

И въ Желквѣ выработанъ планъ военныхъ дѣйствій— „частительнаго разрушенія“ шведской арміи, а именно: пользуясь глубиною и другими особенностями Польши и Литвы, не давать сраженій, завлекать непріятели, изнурять его, лишая средствъ къ продовольствію.

Съ первыхъ же дней 1707 года Царь уже распоряжается приготовленіями къ оборонѣ. 4-го января Онъ писалъ Апраксину:⁴ „уже вамъ извѣстно, что сія война надъ одними нами осталась; того для, ничто такъ надлежитъ хранить яко границу, дабы непріятели или силою, а паче лукавыми обманомъ, не впалъ (и хотя еще не думаетъ изъ Саксоніи итти, однакожь все лучше управить заранѣе), и внутренняго разоренія не припесъ. Для того дать указъ, дабы въ началѣ весны хлѣбъ ни у кого явно не стоялъ,

ни въ житницахъ, ни гумнахъ, такожь и сѣна, ни въ лѣсахъ, или въ ямахъ, или инакъ какъ, а лучше въ ямахъ спрятанъ былъ. такожь для скота и своего людямъ собранія. въ лѣсахъ же и болотахъ, заранѣе, не ближнихъ мѣстахъ отъ большихъ дорогъ, каждый мѣсто себѣ уготовалъ; того для, неурядитель похочеть, обшедь войска, внасть внутрь, тогда вездѣ ничего не найдетъ, а потомъ войскомъ сзади будетъ захваченъ, тогда самъ не радъ будетъ своему начинаю.“

Одновременно, расположенный у Дубно, Ланга полкъ одно за другимъ получаетъ приказанія: всецѣло отдаться приведенію въ порядокъ, занушеннаго.

На первомъ планѣ, конечно, пополненіе рядовъ, ослабленныхъ частыми боями и походами. Въ концѣ января ожидали прибытія рекрутовъ изъ Москвы. Государь сильно торопитъ объ этомъ Стрешнева. Изъ молодыхъ московскихъ и городовыхъ подьячихъ набираются полковые писаря. Не хвѣтаетъ ружей, денегъ, аммуниціи. А тутъ во всемъ надлежитъ представить точную вѣдомость, отдѣлаться на половину нельзя было, разъ самъ Великій Царь вникаетъ во всѣ мелочи полковой жизни.

Недостатокъ ружей вызываетъ указъ—учредить въ пѣхотѣ восьмую долю солдатъ съ копьями, для чего заранѣе дѣлать „деревья изъ сухого, сосноваго, или еловаго дерева, длинные и къ концу, который будетъ въ рукахъ, потолще; а желѣза конейныя, которыя на дровки насаживать, взять отъ рогатокъ съ одну сторону, которыя отъ себя, или отъ обоза поставиться—сверху; такожь не худо, чтобъ начальные каждый себѣ прискивалъ по копію.“⁵

Къ 8-го апрѣля въ полку числились уже на лицо: 24 офицеровъ, 571 старыхъ и 166 молодыхъ, строевыхъ солдатъ; комплектъ составляли: 111 человекъ урядниковъ и рядовыхъ. Число больныхъ, 58 человекъ, т. е. 5% наличнаго состава, весьма незначительно.⁶

Между тѣмъ, Государь, управившись съ важными государственными дѣлами, выѣхалъ 30-го апрѣля изъ Жолквы и прибылъ въ Дубно. Съ восторгомъ встрѣчали войска любимаго Царя, готовые, по первому требованію Его, на всякіе труды и лишенія.

Составъ Ланга полка къ этому времени, т. е. къ 2-му мая, увеличился еще на два офицера и 32 рядовыхъ, такъ что общее число, находящихся въ строю, въ девяти ротахъ, достигло 1020 человекъ. Составъ ротъ колеблется отъ 132 до 148 человекъ, меньше всего въ гренадерской ротѣ, 105 человекъ.

Полковника Ланга при полку не было. Онъ по прежнему все находится въ отлучкѣ, посылкѣ, больше въ полкъ не возвращается и окончательно, безслѣдно, исчезаетъ, хотя имя его полкъ носить до конца 1707 года.

Во главѣ полка стоялъ слѣдующій по старшинству штабъ офицеръ—подполковникъ, Иванъ Ивановичъ, баронъ фонъ Равенштейнъ.

Время прибытія въ полкъ иноземца подполковника фонъ Равенштейна, его прежняя служба, не извѣстны. Фамилію эту впервые встрѣчаемъ въ единственномъ, самомъ старомъ, дошедшимъ до насъ, полковомъ спискѣ за 1707 годъ. Если принять во вниманіе, что полковникъ Купоръ командовалъ полкомъ очень не долго, полковникъ Лангъ почти что при полку не находился, то надлежитъ признать подполковника Равенштейна первымъ, настоящимъ, а не номинальнымъ командиромъ Рязанцевъ. Право это, какъ увидимъ впоследствии, принадлежитъ ему не только по времени, но и по заслугамъ, какія оказалъ полку доблестный иноземецъ.

Царскій смотръ у Дубно не остался для полка безъ послѣдствій. Въ указѣ, даннымъ Репнину 5-го мая, читаемъ:⁸ „въ четырехъ полкахъ: въ Ланговѣ, Ризовѣ, Путереровѣ и Алартовѣ съ прилежаніемъ офицеровъ пересмотрѣть, такожъ взять у главныхъ сказки за руками отъ нихъ, и кто не годенъ, отослать—половину къ гетману въ Сѣвскіе полки, а другую—къ Москвѣ, къ Мушину, буде изъ русскихъ, а изъ иноземцевъ отпустить, а на ихъ мѣста пополнить изъ нашихъ, которые изъ Саксоніи, такожъ изъ пріѣзжихъ иноземцевъ.“

Тогда же въ ротѣ повелѣно быть чинамъ: 1 капитанъ, 1 поручикъ, 1 подпоручикъ, 1 фендрикъ, 1 сержантъ, 1 каптенармусъ, 1 фурьеръ, 1 обозный, 1 профось, 4 или 6 капраловъ, „алебардщиковъ и прочихъ бездѣльныхъ чиновъ не надобно.“

Объ исключенныхъ по осмотру офицерахъ свѣдѣній не сохранилось, за то имѣются довольно полные списки вновь зачисленными. Главнымъ образомъ офицерскій составъ полка пополнился производствомъ въ прапорщики своихъ же сержантовъ. Таковы были: Ювъ Дороховъ, Павель Поповъ, Давидъ Баклашевъ, Никита Быстриевъ, Иванъ Чаплыгинъ; изъ солдатъ л.-гв. Семеновскаго полка назначенъ одинъ—Василій Ерославовъ, да по челобитію принять въ полкъ прапорщикомъ, обрусѣвшій иноземецъ, голландской націи, города Амстердама, Яковъ Смолинъ; полка Микешина зачисленъ капитанъ Алексѣй Валмасовъ.⁹

Когда, такимъ образомъ, полкъ у Дубно собирался съ силами, дѣла въ Польшѣ крайне обострились и вывели насъ изъ выжидательнаго положенія. Кровавая распря между сторонниками Лещинскаго и Августа II-го, ненадежность преданныхъ Россіи партій Огинскаго и Вишневецкаго, наконецъ, захватъ Синицкимъ Быхова, раскрывшій двойственную игру этихъ партій, вліяютъ на рѣшеніе Петра заблаговременно занять Литву, предоставивъ Украину своимъ собственнымъ силамъ. Въ половинѣ мая приказано фельдмаршалу Шереметеву собрать всю армію въ одно мѣсто и осмотрѣть дорогу къ Минску. Вслѣдъ затѣмъ въ Минскъ направился полкъ Ланга.

Служба полка на новомъ мѣстѣ стоянки вся посвящена была сбору провіанта, да взиманію контрибуціи, „надъ которымъ трудится, какъ возможно“, писалъ Царь „и положить съ крестьянъ наличнаго двора по два ефимика, а съ мѣщанъ и жидовъ по пяти ефимиковъ.“

Контрибуцію собирали со всѣхъ сторонниковъ Вишневецкаго, да съ монаховъ „понеже монахамъ богатство не надлежитъ.“ Путемъ же контрибуціи предписывалъ Государь пѣхотные полки, одинъ по другому, убирать конными, такъ чтобы у двухъ солдатъ была лошадь для скорыхъ походовъ.¹⁰ Около Минска, наконецъ, „прискивали способное мѣсто, гдѣ бы лучше можно стоять и бррониться отъ прихода непріятельскаго.“ Въ такомъ положеніи находился полкъ до 13-го іюля, когда генералу Репнину посланъ былъ указъ: „оставя въ Минскѣ 3 баталіона, съ достальными со всѣми идти въ Вильно, и оттоль, хотя безъ указа, не сходить,

однакожь, какъ въ провіантѣ; такъ въ прочемъ въ приготовленіи чинить по прежнему.“¹¹

Изъ Минска, въ командѣ бригадира графа Фриза, выступилъ полкъ, имѣя въ строю на лицо 1089 человекъ, а въ Вильно прибылъ 10-го августа. Цѣль передвиженія полка въ Вильно, равно какъ и вся группировка войскъ на литовскомъ театрѣ войны, заключалась въ томъ, чтобы заблаговременно выяснить дѣйствительное намѣреніе непріятеля и успѣть, въ зависимости отъ этого, сосредоточить армию для прикрытія Петербурга, или Москвы, двухъ наиболѣе вѣроятныхъ, предметовъ дѣйствій. Кромѣ того, другая не менѣ важная цѣль состояла въ томъ, чтобы слѣдить за шведами Левенгаупта у Риги и, при первой возможности, разбить ихъ отдѣльно, до соединенія съ главными силами Карла XII-го.

Въ этихъ видахъ, сообразно съ петербургскимъ и московскимъ операціонными направленіями, одна половина армии стала у Минска другая—отрядъ Репнина, у Вильно, имѣя самостоятельные авангарды у Вильно и Гродно, и всю конницу Меншикова на лѣвомъ флангѣ, на линіи Тикоцинъ—Бѣлостокъ. Съ увеличеніемъ числа русскихъ войскъ въ Литвѣ присмирѣли и поляки, однако контрибуціи не прекращались. „Только берите съ противныхъ,“ предписывалъ Царь¹³ „а у которыхъ съ одного помѣстія на той сторонѣ есть братъ, или сродникъ, а онъ дома, и съ тѣхъ въ поля; а которые послѣ двухнедѣльнаго указа придутъ съ той стороны, берите-жь, развѣ легче обходитесь съ ними и гораздо ласковѣе.“

Но враждебныхъ намъ поляковъ было еще довольно такъ много. Изъ сказки подручника Голодецкаго узнаемъ, что, вскорѣ послѣ прибытія полка въ Вильно, онъ, Голодецкій, командированъ былъ съ командою въ „противныя маентности пана Крышпина,“ убѣжденнаго сторонника шведскаго короля. „И видѣлъ я“, говоритъ Голодецкій¹⁴ „съ непріятельскими людьми, какъ наступали на меня хорунги пана Крышпина и Хмѣлинскаго, хорунгокъ десять, или больше было со оными; я умѣлъ себѣ ретироваться, и не далъ себя имъ въ азартъ.“

Подобныя столкновенія навѣрное не разъ приключались. А тѣмъ временемъ свозили провіантъ въ Оршу.

Озабоченный слухами о выступленіи шведовъ изъ Саксоніи, Петръ писалъ г. Репнину въ Вильно:¹⁵ „хотя подлинно еще не знаемъ, что сюда, или въ Шлезіи остаются, однакожъ такимъ лукавцамъ, какъ дьяволу нельзя вѣрить; а ежели подлинно выдутъ, то генеральной баталіи далеко отъ рубежа быть не возможно; того для—Орша наибуднѣйше мѣсто; тутъ надлежитъ на все войско собирать провіантъ.“

Съ 20-хъ чиселъ августа полкъ держится въ тревожномъ, выжидательномъ положеніи.

Сначала Государь замышляетъ рѣшительныя дѣйствія противъ Левенгаупта у Риги, намѣревается лично прибыть въ Вильно и, 21 августа, шлетъ предписаніе: „изъ Вильны полкамъ пѣхотнымъ выступить; идти по три мили на день.“ Но вдругъ отменяетъ: „остаться на мѣстѣ еще на нѣкоторое время.“

Между тѣмъ, задержанный въ Саксоніи спорами съ германскимъ императоромъ по поводу религиозныхъ правъ для протестантовъ, жителей Силезіи, король шведскій, во главѣ арміи своей, только въ августѣ направилъ маршъ къ предѣламъ Россіи.

Воображеніе рисовало Карлу XII-му самые несбыточные планы. Онъ говорилъ, что заключить съ Россіею миръ по саксонски, свергнуть съ престола Петра, а на его мѣсто поставить царемъ польскаго королевича Якова Собѣскаго. Робость, уступчивость со стороны первыхъ государей Европы, лествъ лучшихъ полководцевъ того времени, не могли не вскружить головы молодому шведскому королю. Все поведеніе его напоминаетъ другого завоевателя позднѣйшихъ временъ. Обоихъ окружала громкая слава передъ походомъ въ Россію, передъ тѣмъ, какъ звѣзда ихъ должна была затиться.

Услыхавъ о приближеніи шведовъ, Государь отказывается отъ покушенія противъ Риги и, 12-го сентября, дѣлаетъ таковое распоряженіе относительно нашего Виленскаго отряда: „быть къ походу во всякомъ приготовленіи и по полученіи отъ Насъ другого письма, собрався въ одинъ день, надобно итти къ Минску, въ слученіе къ фельдмаршалу; такожъ зѣло надобно трудится, чтобы запастись больше подводами, лошадями и быками, дабы въ скорый

походъ возможно было на тѣхъ подводахъ везть живность и прочее, что потребно.“

Не успѣли въ полку, по данному указу, сдѣлать надлежащихъ распоряженій, какъ одинъ за другимъ получены два приказанія, помѣченные тѣмъ же 12-мъ сентября. Первое: „идти къ Минску по малу, на день по двѣ мили, или малымъ чѣмъ больше, а на половинѣ дороги остановиться;“ второе: „чтобы по 30, или больше, на человека картечи сдѣлать и въ Вильнѣ еще нѣсколько времени удержаться, понеже о непріятелѣ, какъ Одеръ перешелъ, больше вѣдомости нѣтъ, и нынѣ надлежитъ только къ движенію готовымъ быть, и смотрѣть на его обороты.“ Дѣйствительно, вопреки всякимъ ожиданіямъ, шведы отказываются отъ немедленнаго вторженія въ Россію и на цѣлыхъ 4 мѣсяца располагаются по квартирамъ въ Польшѣ, на лѣвомъ берегу Вислы. До выясненія обстоятельствъ поэтому, полкъ, въ составѣ пѣхоты г.-м. Чамберса (9 полковъ), остается у Вильно, готовится къ зимней кампаніи, имѣя назначеніемъ оберегать правый флангъ общаго расположенія арміи. По вѣдомости къ 20-му сентября, въ полку въ то время числилось на лицо: строевыхъ офицеровъ 29, нижнихъ чиновъ 990.¹⁷

Въ занятомъ расположеніи пѣхота Чамберса оставалась до послѣднихъ чиселъ декабря 1707 года, когда, наконецъ, Карлъ XII-й перешелъ Вислу и, не смотря на представленія о необходимости зимнихъ квартиръ, двинулся въ Литву.

По первому о томъ извѣстію Ланга полкъ отходить на рѣку Березину.

Отступательный маршъ былъ не изъ легкихъ. Войска испытывали громадныя лишенія. „Нужда великая, взять негдѣ, деревни, которыя есть, все пусты; не токмо что провіанту сыскать возможно, но и жителей никого нѣтъ,“ доносилъ фельдмаршалъ Шереметевъ.¹⁸

Но если намъ приходилось плохо, то что же сказать о шведахъ? Морозныя ночи проводили они на снѣгу подъ открытымъ небомъ. Люди гибли, еще больше гибло лошадей, за недостаткомъ которыхъ нужно было кинуть часть багажа. Особенный вредъ причиняла шведамъ враждебность жителей, которые, прячась за

деревьями и кустами, подстрѣливали солдатъ. Раздраженный Карлъ XII-й далъ приказъ—вѣшать безокойныхъ стрѣлковъ и жечь ихъ жилища. Ожесточенные солдаты не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, но положенія своего не улучшили.

Истощивъ, разстроивъ свои войска безъ всякаго осязательнаго результата, Карлъ XII-й, въ половинѣ февраля 1708 года, вынужденъ былъ наконецъ остановиться и расположить свою армію (30—35 т. человекъ) на широкихъ квартирахъ вокругъ Сморгони, имѣя тылъ откинутымъ къ Вильнѣ и Гроднѣ, а фронтъ, на полпути отъ Сморгони, къ Минску и Долгинуву.

Между тѣмъ, Ланга полкъ медленно отходить къ востоку. Полученныя вскорѣ свѣдѣнія о томъ, что непріятель сталъ на квартирахъ и находится „въ немаломъ недостаткѣ провіанту и фуражу,“ вмѣстѣ съ соображеніями, что раньше травы онъ впередъ во всякомъ случаѣ не двинется, дозволяютъ и намъ расположиться по квартирамъ.

При выборѣ квартирнаго раіона имѣлось въ виду, какъ удобство размѣщенія, такъ и возможное впоследствии перемѣщеніе въ зависимости отъ шведскихъ оборотовъ, т. е. или къ Двинѣ, въ раіонъ Полоцка, или же къ Копыси на верхнемъ Днѣпрѣ, если бы понадобилось фронтальное отступленіе. Поэтому то, болѣе сѣверные участки заняла пѣхота, южные конница. Фронтъ квартирнаго раіона тянулся по линіи 250 верстъ—отъ Полоцка на Чашники, Лукомлю, Бѣлынычи къ Быхову, тылъ доходилъ до Витебска, Дубровны и Мстиславля.¹⁹

Перейдя со всей арміей за линію р. р. Уллы и Березины, Ланга полкъ, во второй половинѣ февраля, располагается въ городѣ Оршѣ.

При расхожденіи по квартирамъ не обошлось, конечно, безъ недорозумѣній, въ особенности если принять во вниманіе способъ довольствія отъ жителей. Но, понемногу, все улеглось, и пѣхота значительно ранѣе конницы устроилась по квартирамъ.

По мѣрѣ расположенія войскъ на отдыхъ ихъ дѣятельно приводили въ порядокъ. Въ общемъ же, періодъ съ февраля и примѣрно до конца мая мѣсяца 1708 годъ былъ временемъ устраненія

многихъ неудобствъ и несовершенствъ, выяснившихся постепенно въ теченіи предъидущихъ дѣйствій.

Такъ, Петръ I-й давно уже сознавалъ неудобства названія полковъ по фамиліямъ командировъ; мѣнялись командиры, а съ ними мѣнялись и названія, что производило большую путаницу въ распоряженіяхъ; въ то же время полки обезличивались, славныя преданія исчезали нерѣдко съ уходомъ командира. Ланга полкъ въ особенности испыталъ это. Теперь Государь принялъ другую систему и назвалъ полки по именамъ городовъ и провинцій. Ланга полкъ получилъ повелѣніе именоваться впредь „*Рязанскимъ пѣхотнымъ*.“ Официальныя хронологическія свѣдѣнія относятъ это распоряженіе къ 10-го марта 1708 г. Такая точность однако ни на чемъ не основана; существуетъ даже предположеніе, что переименованіе полковъ было исполнено послѣ Полтавы (въ періодъ 1709 — 1710 гг.), остается также открытымъ вопросъ: чѣмъ руководствовался Царь, присваивая данному полку названіе того, или другого города, или провинціи?²⁰

Обращаясь къ предположенію о наименованіи полковъ по городамъ въ періодъ 1709—1710 г.г., необходимо признать его въ отношеніи большей части арміи неосновательнымъ; ему противорѣчатъ почти всѣ табели о состояніи арміи до Полтавскаго сраженія, хотя, правда, встрѣчаются и послѣ 1708 г. полки съ прежнимъ наименованіемъ. По документамъ, исходящимъ непосредственно отъ полка, наименованіе „*Рязанскій*“ впервые устанавливается именно въ началѣ 1708 года, до мая мѣсяца. Не такъ легко рѣшить вопросъ о причинахъ присвоенія полку наименованія „*Рязанскій*“, или „*Рязанскій*“, какъ писали въ старинныхъ бумагахъ. Предполагаютъ, что Петръ Великій далъ полкамъ названія городовъ тѣхъ губерній, на которыя они были положены, т. е. на счетъ которыхъ должны были содержаться. Дѣйствительно, съ раздѣленіемъ Россіи на 8 губерній средніе доходы каждой изъ нихъ распредѣлены на содержаніе заранѣе указанныхъ полковъ. Рязанскій полкъ отнесенъ былъ къ Московской губерніи, гдѣ значился городъ Рязань. Такое объясненіе однако еще не достаточный мотивъ, чтобы признать его окончательнымъ. Многіе данныя опровергаютъ подобное рѣшеніе вопроса, какъ напр.: 1) идея переименованія полковъ по городамъ

возникла задолго до учрежденія губерній, драгунскіе полки уже въ 1706 году стали носить новыя названія; 2) переименованы были только полевые полки, на губерніи же положены также и гарнизонныя,—наконецъ, что самое главное, не сохранилось даже косвенныхъ указаній, чѣмъ руководствовался Великій Царь, присвоивая полкамъ то, или другое названіе города.

Какъ бы тамъ не было, но полкъ съ 1708 года, на квартирахъ въ Оршѣ, въ виду непріятеля, принялъ новое историческое наименованіе одного изъ старѣйшихъ русскихъ городовъ, города Рязани²¹. Въ то самое время организація полка доведена до тѣхъ формъ, которыя впоследствии были сохранены до конца войны, а именно: гренадерская рота отдѣлена на сформированіе гренадерскаго Эизберга полка, что нынѣ 21 пѣх. Муромскій, полкъ же оставленъ въ 8 ротъ, раздѣленныхъ на два баталіона.²²

Въ связи съ этимъ разрѣшился также вопросъ о высшихъ соединеніяхъ. Раздѣленіе на бригады, введенное зимою 1704—1705 гг. передъ наступленіемъ въ Курляндію, оказалось уже недостаточно, а такія импровизаціи, какъ „Виленская пѣхота“, неудобны. Введено поэтому соединеніе бригадъ въ дивизіи, которыя образовали три. Рязанскій полкъ вошелъ въ составъ 3-й дивизіи генерала князя Репнина и состоялъ вмѣстѣ съ Лефортовскимъ полкомъ въ бригадѣ г.-м. фонъ Швейдена.²³

На укомплектованіе и снабженіе оружіемъ обращено также большое вниманіе. Хотя значительныя партіи рекрутъ стали поступать въ полкъ не ранѣе начала іюня, однако, къ 1 мая 1708 года, Рязанцы насчитывали въ строю на лицо: 29 офицеровъ и 998 нижнихъ чиновъ; до полного штата не доставало офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 109.²⁴

На свободную офицерскую вакансію зачисленъ, произведенный изъ л.-гв. Преображенскаго полка, прапорщикъ Иванъ-Безобразовъ. Успѣшнѣе шло снабженіе оружіемъ. Къ концу мая „зѣло плохое оружье“ почти на половину замѣнено новымъ.

Одновременно съ перевооруженіемъ введенъ въ употребленіе болѣе совершенный порохъ „новой инвенціи.“ Впрочемъ, новаго пороху, ради только ученія, просилъ отпустить начальникъ дивизіи

въ полки по $\frac{1}{2}$ ф. на человѣка.²⁵ Дѣятельно пополнялись и огнестрѣльные припасы, въ чемъ особенно нуждался полкъ, имѣя всего во времени прихода на квартиры по 50 патроновъ на ружье и по 50 выстрѣловъ на полковое орудіе. Къ устройству обоза по опредѣленнымъ типамъ и нормамъ было приступлено еще въ 1705 году, а къ веснѣ 1708 годъ обозъ полка несомнѣнно былъ организованъ, хотя цифры матеріальной части, личного и конскаго составовъ не были пока точно установлены. Обозъ этотъ во всякомъ случаѣ представлялъ, что то ужъ черезъ чуръ огромное и громоздкое, а до какой степени громоздкое свидѣтельствуеетъ приказъ, отданный въ февралѣ, исчисляющій норму необходимаго офицерскаго обоза: оберъ офицерамъ по возу каждому, маіору—2, подполковнику—3, полковнику—4, а генералъ маіору 5 возовъ. Высшіе чины размѣромъ собственнаго обоза не были стѣснены.²⁶ Приостановкою военныхъ дѣйствій разумѣется воспользовались также и для обученія войскъ. По этому предмету, непосредственно Великимъ Царемъ, въ главной квартирѣ арміи въ Бѣшенковичахъ, составлена въ первыхъ числахъ марта инструкция, носящая названія „Учрежденія къ бою,“ которую войска должны были усвоить на квартирахъ.²⁷

Инструкция не вводила чего либо органически новаго; она только совершенствовала и развивала болѣе раннія основы, давала соотвѣтственное направленіе, устраняя замѣченныя недостатки. Основаннымъ принципомъ ея было, что надлежитъ непрестанно обучать тому, какъ въ бою поступать. Поэтому то Царь ограничилъ программу строевыхъ занятій исключительно обученіемъ стрѣльбѣ, вздваиванію шеренгъ, отступленію и наступленію, удлиненію фронта, охвату фланга, подпиранію переднихъ задними и прочимъ оборотамъ и подвигамъ исключительно воинскимъ, т. е. боеваго характера.

Изъ „Учрежденія“ видно, что подготовка къ стрѣльбѣ была очень дурна. Царь обращаетъ вниманіе на этотъ отдѣлъ обученія; точно указываетъ мѣста чиновъ, основы заряженія, а способы стрѣльбы, вмѣсто бывшихъ ранѣе четырехъ, ограничиваетъ двумя шеренгами и взводами. Болѣе однако всего „Учрежденіе“ проникнуто заботами о дисциплинѣ огня.

„Учрежденіе къ бою“ выдано начальникамъ дивизіи 10-го марта, а на другой день Государь выѣхалъ изъ арміи въ С.-Петербургъ, оставивъ начальникамъ „пункты,“ какъ поступать въ различныхъ случаяхъ непріятельскихъ обращеній.“

Въ полку приступили къ изученію „Учрежденія къ бою.“ Для усвоенія положенныхъ въ инструкцію началъ, конечно, требовалось время, котораго не было; требовались и учителя, проникнутые стремленіями составителя, чего также не было. Въ лучшемъ случаѣ, для обученія имѣлось 2½ мѣсяца времени. При всемъ этомъ, рекруты прибыли очень поздно; практическая стрѣльба хотя и производилась, но число патроновъ было ограничено 5 на старослужащаго и 10 на рекрута; наконецъ, въ нашу 3-ю дивизію патроны прибыли не ранѣе половины апрѣля.²⁸

Свѣдѣнія о непріятелѣ, между тѣмъ, были крайне скудны. Лазутчики и развѣдочныя партіи доносили, что король шведскій стоитъ въ Радожкевичахъ, а войска его разбросаны въ Минскѣ, Вильно и Гродно.

Вслѣдъ за тѣмъ наступило водополье, создавшее такія преграды, которыя на время явились лучшимъ обезпеченіемъ квартирнаго района обѣихъ сторонъ. Только съ апрѣля мѣсяца, на передовыхъ постахъ, преимущественно къ сторонѣ Борисова, все чаще и чаще случаются столкновенія кавалерійскихъ частей. Но пора была однако уже намѣтить линію для сосредоточенія войскъ.

Согласно „пунктовъ,“ данныхъ Царемъ въ Бѣшенковичахъ, будущія дѣйствія наши имѣли носить характеръ активной обороны дефиле, но никакъ не генеральной баталіи. „Поэтому то, на военномъ совѣтѣ, собранномъ 26-го апрѣля въ Старосельи, единогласно постановлено было: для задержки противника занять линію отъ Двины по р. Уллѣ, а затѣмъ по р. Березинѣ, ради же выясненія подробностей, произвести рекогносцировку даннаго района. Прошелъ еще цѣлый мѣсяць. Наконецъ, 27-го мая, приказано Рязанцамъ выступить изъ Орши къ Лукомлю на рѣкѣ Уллѣ. Все протяженіе этой рѣки, отъ м. Уллы до Лукомля, должна была занять пѣхота съ небольшою частію конницы. Южный участокъ, отъ Лукомля и далѣе по Березинѣ, исключительно поручень оборонѣ конницы.

Передвиженіе къ Лукомлю происходило при очень невыгодныхъ **словьяхъ**.

Весна и лѣто 1708 года выдались дождливыя; дороги сильно испортились; переходы приходилось исполнять съ большими затрудненіями. Около 8—10 іюня Рязанцы были уже на назначенномъ мѣстѣ. Правѣ, въ Чашникахъ, стояли полки 1-й дивизіи, далѣе къ сѣверу, у м. Уллы—2-я дивизія.

Не успѣли однако осмотрѣться Рязанцы на занятой позиціи, какъ свѣдѣнія разъѣздовъ о движеніи противника къ Борисову и южнѣе вызываютъ новыя комбинаціи. Расположеніе за р. Уллой становится не только бесполезно, но даже рискованно. Постановленіемъ военнаго совѣта отъ 12-го іюня рѣшено: пѣхоту перевести на линію Черей-Бобръ, и тщательно наблюдать куда пойдутъ шведы,—если къ Могилеву, то туда первой спѣшитъ наша 3-я дивизія, за ней другія.

На новой линіи 3-й дивизіи указано стать между Бобромъ и Рожки. 13-го іюня тронулся полкъ въ походъ и, совершивъ маршъ около 15—17 верстъ, перешелъ изъ Лукомля въ Черей.

Слѣдующій переходъ значился до Рожокъ. Но деревни Рожокъ вовсе не существовало. Была деревня Рогово, названіе которой при слѣсныхъ распоряженіяхъ переврали въ штабъ.

14-го числа, пройдя 20—25 верстъ, дивизія наша нѣсколько уклонилась къ востоку отъ даннаго ей на Бобръ направленія, а 15-го іюня окончательно сбилась съ пути, и взамѣнъ указанныхъ ей-Рожокъ, не розыскавъ этой деревни, стала на половинѣ пути, между Бобромъ и Головчиномъ, въ дер. Словянахъ. На счастіе, вблизи, въ м. Черей, находился кн. Меншиковъ, который указалъ дальнѣйшее направленіе для движенія.²⁹

Когда, такимъ образомъ, мы нѣсколько передвинулись къ югу, Карлъ XII, сосредоточивъ армію 7-го іюня у Минска, двинулся усиленнымъ маршемъ на м. Березино и, 14-го числа, форсировалъ въ этомъ пунктѣ переправу черезъ рѣку Березину. По первому о томъ извѣстію, кн. Меншиковъ, 15-го іюня приказываетъ ближайшей нашей 3-й дивизіи идти немедленно и безостановочно къ Могилеву, а самъ съ конницей и конной пѣхотой спѣшитъ

въ Бѣлыничи. Въ это время фельдмаршалъ Шереметевъ съ 1 и 2 дивизіями отходить къ Оршѣ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ свѣдѣній о прорывѣ шведовъ, вмѣсто сосредоточенія русскихъ войскъ получилось эксцентрическое ихъ отступленіе къ Днѣпру. Въ ночь съ 17 на 18-го іюня Рязанскій полкъ очутился въ 2¹/₂ миляхъ отъ Могилева, совершивъ трехдневный маршъ изъ Словянъ, черезъ Круглое.

А шведы въ то время заняли уже м. Погостъ, откуда отходить дороги, какъ къ Могилеву, такъ и къ Быхову. Дальнѣйшее однако движеніе противника происходило чрезвычайно медленно. „Великія грязи,“ бездорожіе, болота, ненастная погода, а особенно добрая „зарубка“ дорогъ и разрушеніе мостовъ нашей конницей, дѣлали свое дѣло. Къ 21-му іюня шведы успѣли сдѣлать только около 40 верстъ и подошли къ м. Мощаницѣ.

До сихъ поръ наступленіе Карла XII-го еще не достаточно выяснилось. Форсировавъ переправу черезъ Березину, онъ широко открылъ двери для движенія куда угодно. Меншиковъ полагаеъ что къ Могилеву, или Быхову, а такія соображенія держатъ нашу дивизію у перваго изъ этихъ пунктовъ; ради большой свободы дѣйствій при оборонѣ переправъ, она переходитъ даже на лѣвый берегъ Днѣпра, имѣя въ виду ежечасную готовность движенія къ Быхову.

Въ общемъ, къ вечеру 21-го іюня, положеніе было слѣдующее: передъ фронтомъ шведовъ, верстахъ въ 10—15 отъ нихъ, русская кавалерія, далѣе, на 40—45 верстъ позади, у Могилева, наша 3-я дивизія, въ 20 верстахъ отъ праваго ея фланга остальные двѣ дивизіи, вытянувшись на разстояніе 75—100 верстъ между Дашковкой и Оршей. Карлъ XII-й однако не задавался никакими сложными операціями. Онъ шелъ пока прямо по могилевской дорогѣ въ томъ направленіи куда отступила наша кавалерія. Только подойдя къ Бѣлыничамъ, и убѣдясь въ силѣ тамошней позиціи, занятой кавалеріей, шведы уклоняются на 10 верстъ къ сѣверу и 25-го іюня переходятъ рѣку Друть у Алешковичъ. Кавалерія отступила за рѣку Бабичъ. Очевидно, ближайшей теперь задачей нашей являлась оборона линіи Днѣпра отъ Орши до Могилева. Такъ и постановлено. Но, принимая во вниманіе настойчивыя донесенія

кавалерійскихъ начальниковъ о крайнемъ разстройствѣ противника, порѣшили занять впереди Днѣпра двѣ крѣпкія авангардныя позиціи въ дефілеяхъ—у Головчино и у Староселья, съ цѣлью, конечно, малыми силами расшатать шведа упорнымъ боемъ.

Позицію у Головчина приказано было занять нашей дивизіи. 24-го іюня выступили Рязанцы изъ Могилева. 25-го іюня, пройдя 15 верстъ, полкъ, въ виду трудности пути, остановился у Княжицы, гдѣ простоялъ до 29-го числа, когда, наконецъ, тронулся къ Головчино.

Позиція у Головчина представляла изъ себя рядъ пологихъ высотъ, тянувшихся вдоль теченія рѣчки Бабичъ, болотистая долина которой имѣла ширину отъ $\frac{1}{3}$ —1 версты. Двумя малыми рѣчками, впадающими въ р. Бабичъ съ восточной стороны, да болотистымъ оврагомъ, называемымъ „марастомъ“, позиція раздѣлялась на три естественныхъ участка:

1) сѣверный участокъ, длиною по фронту до $1\frac{1}{2}$ версты, а шириною до 1 версты, составляли лѣсистыя высоты, окруженныя съ трехъ сторонъ болотами и водами рѣчекъ; черезъ болота у Головчина, по дорогѣ въ д. Васильки, высокая плотина;

2) средній участокъ имѣлъ въ центрѣ гору, скаты которой заполняли все пространство его; высота горы такая, что, стоящіе южнѣе, не могли наблюдать, что дѣлается вправо отъ нихъ; двухверстное пространство участка, со всѣхъ сторонъ окруженное водами и болотами, отдѣлялось отъ „мараста“ узкимъ болотистымъ перешейкомъ; ширина участка до $1\frac{1}{2}$ версты;

3) на южномъ участкѣ было „больше поля и меньше лѣса“, онъ представлялъ нѣкоторыя выгоды для дѣйствія кавалеріи; за этимъ открытымъ пространствомъ, еще южнѣе, тянулся лѣсъ, черезъ который проходила большая дорога къ Могилеву.

Передъ фронтомъ позиціи сплошная лѣсная завѣса, въ тылу, за среднимъ участкомъ, такъ называемый „Большой лѣсъ“, росшіи на болотахъ.

Для переправы черезъ р. Бабичъ служили: плотина у Головчина, мостъ между д. Новое-Село и выселками, бродъ между „марастомъ“ и д. Гнѣздино, плотина и мостъ на большой могилевской дорогѣ.

Къ вечеру 29-го іюня Рязанцы прибыли на позицію, занятую пока исключительно кавалеріей г. Гольца и конной пѣхотой кн. Голицына. Произошли нѣкоторыя перемѣщенія и, въ концѣ концовъ, 2-го іюля войска расположились:

на сѣверномъ участкѣ, противъ Головчина, 5 драгун. полковъ и 7 конныхъ баталіоновъ;

на среднемъ и частью на южномъ кн. Рейнинъ съ нашей дивизіей, 8 пѣх. полковъ (7430 ч.), г. Гольцъ съ 10 драгун. полками. Дивизія расположилась — отъ моста у д. Новое-Село вдоль по горѣ, лѣвѣе, въ $\frac{1}{2}$ милѣ, кавалерія.

На занятой полками нашей дивизіи позиціи приступлено было къ постройкѣ одного общаго, непрерывнаго, укрѣпленія длиною болѣе версты, съ двумя примкнутыми къ нему подъ тупымъ угломъ флангами. Горжевая часть примыкала къ лѣсу, а фронтальная состояла изъ ряда исходящихъ угловъ, соединенныхъ прямыми куртинами безъ проходовъ на случай наступленія.³⁰

Правый флангъ этого „транжаментъ“ отстоялъ отъ моста почти на $\frac{1}{2}$ версты; линія огня имѣла обстрѣлъ на 500—700 шаговъ, т. е. больше дальности тогдашняго ружейнаго огня.

Къ постройкѣ окопа полкъ приступилъ немедленно по прибытіи на позицію, дабы, отъ близъ стоящаго непріятели, „во фронтѣ защищеніе имѣть.“ Отсутствие шанцеваго инструмента, а также значительный нарядъ людей для вязки фашинъ, тормозили успѣхъ работы. Поэтому, по фронту транжаментъ хотя оказался и весь изготовленъ, но не додѣланъ; профиль вала до грудной высоты доведена только на правомъ флангѣ, гдѣ стоялъ Нарвскій полкъ.

Недостатокъ силы укрѣпленія восполнялся искусственнымъ препятствіемъ въ видѣ полуникъ, изъ которыхъ составлены рогатки.³¹ Не мало также положено труда на устройство сообщеній на позиціи.

Разсматривая фортификаціонныя работы въ районѣ расположенія полка, не бесполезно еще отмѣтить нѣкоторыя особенности:

1) линія огня окопа чрезмерно растянута, — всѣ 17 баталіоновъ дивизіи развернутымъ фронтомъ въ одну линію;

2) долина рѣки Бабича подъ огнемъ изъ укрѣпленія не держалась; линія огня настолько была отодвинута назадъ, что между

правымъ флангомъ окопа и лѣсомъ, гдѣ отходить путь отступленія на Васильковъ, осталось пространство, позволявшее развернуть подъ угломъ не болѣе 3-хъ баталіоновъ;

3) пути отступленія отходили отъ фланговъ; наконецъ

4) съ конницей на лѣвомъ флангѣ мы связывались весьма недостаточнымъ числомъ мостовъ (одинъ мостъ) черезъ „марастъ“, за то на правомъ флангѣ, у выселокъ, образовали группу изъ трехъ мостовъ, захвативъ которую, шведы сразу могли угрожать нашему тылу. Въ общемъ, какъ справедливо замѣчаютъ историки, пѣхота трехдневной работою ухудшила свое положеніе. Лучше было бы если-бъ окопа вовсе не было и пѣхота сохранила за собою право свободного маневрированія.³²

Когда, такимъ образомъ, мы собирались потормозить шведа на переправахъ р. Бабичъ, Карлъ XII-й стягивалъ къ Головчину войска и производилъ тщательныя рекогносцировки, благо и мѣстность, какъ нельзя лучше благопріятствовала этому.

На основаніи личныхъ наблюденій, Карлъ XII-й рѣшилъ ударить лучшими войсками въ промежутокъ между нашей дивизіей и сѣвернымъ участкомъ, захватить три моста и, дѣйствуя во флангъ, а отчасти и въ тылъ, отрѣзать дивизію и подвергнуть ее отдѣльному пораженію.

Для отвлеченія нашего вниманія пущены были слухи объ обходѣ съ сѣвера и, на самомъ видномъ мѣстѣ, на высотахъ противъ д. Головчина, стягивались войска.

Маневръ вполнѣ удался. Относясь всегда крайне подозрительно къ лазутчикамъ, служившимъ и вашимъ и нашимъ, мы, теперь, почему то, придали имъ во всемъ вѣру и исключительно почти заботились о правомъ флангѣ.

Къ этому времени 1-я дивизія находилась на маршѣ къ Головчину; 2-я— у Ахимковичей. Фронтъ всей арміи сократился до 25 верстъ; болѣе $\frac{2}{3}$ ея собраны у Головчина.

О принятомъ рѣшеніи дать бой, высшій генералитетъ, 2-го юля, послалъ донесеніе Царю; въ этотъ же день, къ 5 час. пополудни, вызваны на военный совѣтъ начальники дивизій.

Ежедневныя распоряженія по войскамъ дивизіи обыкновенно отдавались послѣ полудня черезъ полковыхъ маіоровъ, въ видѣ приказовъ при паролѣ.

Уѣзжая на совѣтъ, кн. Репнинъ заботу о передачѣ распоряженій поручилъ старшему послѣ себя г.-л. Чамберсу, который отнесся къ дѣлу весьма небрежно. Только около 8 час. вечера въ полкъ доставленъ былъ весьма короткій приказъ на 3-го іюля: „всѣмъ стоять въ осторожности, солдатамъ быть при ружьѣ, а въ случаѣ тревоги, о чемъ будетъ дано знать пушечнымъ выстрѣломъ, занять свои мѣста въ линіи.“

Спеціальныхъ мѣръ охраненія и развѣдыванія, не смотря на близость противника, указано не было. Выставлены лишь обыкновенныя караулы при полкахъ, безъ патрулей, развѣздовъ и никетовъ.

Была глубокая ночь, когда кн. Репнинъ возвратился къ дивизіи и тоже ни въ чемъ ничего не измѣнилъ.

Заря 3-го іюля застала Рязанскій полкъ вытянувшимся за траншаментомъ въ одну линію. Начиная съ праваго фланга стояли полки: Гренадерскій, Лефортовъ, Рязанскій, Ростовскій, Вятскій, Нарвскій, Тобольскій и Копорскій. Правымъ флангомъ командовалъ г.-м. фонъ Швейденъ, лѣвымъ—г.-л. Чамберсъ. Ночь съ 2 на 3 іюля была туманная, шелъ сильный дождь. Въ промокшихъ епанчахъ, камзолахъ и чулкахъ, среди грязи свѣже насыпаннаго окопа, люди чувствовали себя не совсѣмъ удобно. Бодрствовали лишь одни немногочисленные караулы.

Въ это время, шведы, подъ покровомъ темной ночи, выставили батарею на опушкѣ лѣсу у Новаго-Села, подвозили понтоны, и противъ пункта главной атаки сосредоточили пять отборныхъ полковъ. Въ караулѣ на рѣкѣ впервые замѣтили подозрительныя передвиженія часа за полтора до разсвѣта, но пока послали на главный постъ у моста справиться не наши ли лодки перебираются на ту сторону рѣки, грянулъ первый выстрѣлъ. Вскорѣ шведское наступленіе замѣчено было и у насъ; поднялась тревога; кн. Репнинъ схватилъ Гренадерскій полкъ, повелъ его къ мосту, и предупредилъ тамъ шведовъ.

Быль третій часъ въ исходѣ, когда завязалось энергичное артиллерійское состязаніе.

Подъ покровительствомъ огня 28 орудій шведы смѣло пошли въ атаку; послѣ получасоваго сопротивленія гренадеры должны были отступить. Оцѣнивъ опасность положенія, кн. Репнинъ раздѣляетъ повсюду ординарцевъ съ требованіемъ подкрѣпленій, крайніе полки съ лѣваго фланга передвигаетъ на правый для прикрытія дороги на Васильки, остальные-же на мѣстахъ, въ траншеяхъ, чтобы принять ударъ съ фронта.

Такимъ образомъ, Рязанскій полкъ, бывший ближе другихъ къ мостамъ на правомъ флангѣ, очутился лѣвѣе полковъ, передвинутыхъ съ лѣваго фланга.

Приказано было: стоять въ линіи и стрѣлять.

Рязанскому полку, да Лефортовскому, пришлось раза два принять участіе лишь въ огнестрѣльномъ бою, прочіе же полки въ укрѣпленіи, за дальностью разстоянія до непріятеля, оставались праздыми зрителями.

А бой принималъ неблагопріятный для насъ оборотъ. Захвативъ всѣ три переправы у выселокъ, шведы перешли на правый берегъ южнаго ручья, а оттуда направились въ обходъ фланга нашихъ укрѣпленій.

Кн. Репнинъ растерялся. Не поддерживаемый кавалерією, ни съ сѣвернаго, ни съ южнаго участковъ позиціи, онъ отдаетъ приказаніе отступать — „кому какъ возможно.“

Не принимая почти никакого участія въ дѣлѣ, Рязанскій и Вятскій полки первыми двинулись къ тыльному мосту на д. Васильки, за ними другіе. На позиціи остались полки: Нарвскій, Лефортовскій и Ростовскій, которые, пробивая себѣ дорогу, отступали послѣ горячаго боя и понесли значительный уронъ.

Было не болѣе 7—8 часовъ утра, когда бой кончился; пѣхота окончательно скрылась въ лѣсахъ.

При отступленіи брошено въ лѣсу 10 орудій, не мало пропало снарядныхъ и патронныхъ ящиковъ. Въ Рязанскомъ полку послѣ боя не явились безъ вѣсти пропавшіе 62 ч. ниж. чиновъ.

Изъ Василькова полкъ двигался по шкловской дорогѣ и, пройдя 1 1/2 мили, остановился, на почлегѣ. На слѣдующій день, 4-го іюля, переправились черезъ Днѣпръ. Непрiятель не преслѣдовалъ.

6-го іюля въ Шкловѣ держанъ былъ генеральный „консиліумъ“, который приговорилъ: „понеже по вѣдомости непрiятель маршируетъ къ Могилеву, а оное мѣсто осадить за пространностію и упрежденіемъ непрiятеля трудно, того ради, перебраться по сю сторону Днѣпра, и всей пѣхотѣ съ артиллеріей и обозами идти къ Горкамъ, и смотрѣть на непрiятельскіе обороты, куда обратится— къ Смоленску, или къ Украинѣ, трудится его упреждать.“ Кавалерія направлена къ Могилеву.

7-го іюля потянулись Рязанцы къ Горкамъ; прибыли туда 9 числа, и застали тамъ уже Великаго Царя, который въ тотъ же день прiѣхалъ въ Горки.

Задержанный въ Петербургѣ сначала болѣзнію, а потомъ заботами о Булавинскомъ бунтѣ, Петръ I-й, не смотря на все желаніе, не успѣлъ прибыть во время, чтобы руководить розыгравшимся боемъ. Извѣстіе объ исходѣ его Царь получилъ 5-го іюля на пути изъ Великихъ Лукъ въ Смоленскъ. Конечно, официальная реліція сглаживала неудачу, но чѣмъ ближе къ Горкамъ, тѣмъ число показателей неблагополучія увеличивалось. Въ Горкахъ Царь произвелъ намъ смотръ и далъ такой указъ кн. Меншикову:³³ „понеже въ прошедшей оказіи подъ Головчинымъ дивизіи генерала кн. Репнина многіе полки пришли въ конфузію, и не исправя должности своей, и покинувъ пушки, ненорядочно отступили, а иные и небився, а которые и бились и тѣ казацкимъ, а не солдатскимъ боемъ, и про сіе злое поведеніе наврѣико розыскать, наченши съ перваго до послѣдняго, со всею правдою, не маяя, ниже посягая, но истинно.“

Судъ вынесъ суровый приговоръ: начальнигъ дивизіи кн. Репнинъ лишень чиновъ и долженъ былъ возместить матеріальный ущербъ отъ потерь орудій, полупигъ и прочаго. Къ такому же наказанію приговоренъ и генералъ Чамберсъ.³⁴

Полки комады кн. Репнина, а слѣдовательно и Рязанскій, написаны по другимъ дивизіямъ. Многіе пѣхотные офицеры понесли

наказаніе. Для насъ, конечно, важно знать насколько результаты суда коснулись Рязанскаго полка. Свѣдѣній по этому поводу нѣтъ никакихъ. Принимая однако во вниманіе, что главный отвѣтчикъ за поведеніе въ бою Рязанцевъ полковникъ Равенштейнъ не былъ привлеченъ къ отвѣту и по прежнему пользовался милостію Государя, надо признать безупречнымъ поведеніе полка, а само отступленіе, по приказу свѣше, исполненнымъ въ надлежащемъ порядкѣ. Съ прибытіемъ Петра Великаго къ арміи сѣверная война вступила въ новый фазисъ, завершившійся знаменитой Полтавскою побѣдой.

Весь этотъ періодъ чрезвычайно бѣденъ свѣдѣніями по отношенію къ дѣйствіямъ Рязанцевъ. Съ одной стороны, въ началѣ 1709 года, полкъ попалъ на второстепенный театръ войны въ Польшу, гдѣ событія до сихъ поръ еще не выяснены во всѣхъ подробностяхъ, съ другой—полковыя документы, касающіеся 1709—1710 г.г., сожжены были вмѣстѣ съ обозомъ въ Прутскомъ походѣ въ 1711 году.

Благодаря, главнымъ образомъ, показаніямъ, немногихъ, оставшихся въ живыхъ въ 1720 году офицеровъ, можно лишь въ общихъ чертахъ возстановить службу полка съ Головчинскаго боя по 1710 годъ. Послѣ Головчина, Рязанцы, подъ личнымъ предводительствомъ Царя, съ 13-го іюля по 1-е августа 1708 года, оставались въ лагерѣ на рѣкѣ Пронѣ.

На современномъ планѣ Рязанскій полкъ показанъ расположеннымъ на лѣвомъ флангѣ лагеря. На правомъ берегу Прони, немного лѣвѣе, видѣется деревня Тусково. Въ общей линіи, въ лѣво отъ Рязанцевъ, стоялъ Гренадерскій полкъ, правѣе—Вятскій. Полки Тобольскій, Вятскій, Рязанскій, Гренадерскій и кавалерія составляли, поданное лѣвымъ плечемъ назадъ, крыло всей арміи, расположенной фронтомъ къ рѣкѣ Пронѣ.³⁵

Отсюда мы наблюдали за шведами, которые, занявъ Могилевъ дожидались прихода Левенгаупта изъ подъ Риги съ провіантомъ, артиллеріей и другими припасами. Но дождаться Левенгаупта Карлъ XII-й не могъ. Въ началѣ августа шведы выступили изъ Могилева къ Чирикову, на рѣкѣ Сожѣ. Походъ былъ тяжелъ для голоднаго войска, въ опустошенной странѣ, а тутъ еще непрерыв-

ные дожди, негдѣ укрыться и высушиться. Узнавъ о движеніи Карла изъ Могилева, мы пошли на Мстиславль, безпокоя шведовъ легкими войсками, задерживая ихъ на переправахъ. Такъ продолжалось до 27-го сентября, когда Петръ разбилъ Левенгаупта у д. Лѣсной, и лишилъ Карла XII-го всякой надежды на подкрѣпленіе.

Рязанскій полкъ въ этомъ бою не участвовалъ.

Въ первыхъ числахъ октября 1708 года встрѣчаемъ полкъ въ окрестностяхъ Стародуба.

Это былъ моментъ, когда Карлъ XII-й повернулъ къ югу на Украину, надѣясь на казачество, готовое, по его мнѣнію, возстать противъ законнаго Царя. 27-го октября, наблюдая за шведами, полкъ былъ въ мѣстечкѣ Погребкахъ, на Деснѣ. Здѣсь Рязанцы узнали объ измѣнѣ Мазепы. Но Украина не хотѣла быть заодно со своимъ гетманомъ. Въ концѣ 1708 года явился новый врагъ—страшные морозы.

16-го ноября полкъ изъ Глухова пошелъ прямо къ Путивлю и далѣе на Лебединъ. Шведы двигались параллельно на Ромны.

Въ началѣ декабря Царь приказалъ большой части арміи идти добывать укрѣпленный шведами городъ Гадячъ, въ расчетѣ, что непріятель изъ Ромень послѣдитъ къ нему на помощь; въ это время, заранѣе приготовленная дивизія должна была захватить Ромны. Планъ удался.

Находясь современи выступленія изъ Горокъ въ командѣ генераль-поручика Ренцеля, Рязанскій полкъ, теперь, подъ Гадячъ, шелъ въ командѣ г.-м. Головина.

„А во ономъ мѣстечкѣ Гадячѣ,“ говоритъ офицеръ Рязанцевъ,³⁶ „былъ непріятель; и я командированъ отъ полку напередъ съ лѣстницами ко оному мѣстечку Гадячи для штурму непріятельскихъ людей.“

Заслышавъ о движеніи русскихъ, Карлъ вышелъ изъ Ромень, надѣясь насъ разбить, но мы отступили, а между тѣмъ, назначенная дивизія завяла Ромны. Полкъ отошелъ въ Лебединъ.

Наступленіе къ Гадячи происходило при такихъ жестокихъ морозахъ, что птицы на воздухѣ мерзли, и хотя полкъ шелъ большую

часть дороги возлѣ лѣсу, и ночевалъ въ деревняхъ, однако много людей ознобили себѣ руки и ноги.

Такъ въ стенахъ Украйны таяла шведская армія. Кто говорилъ, что она двинется къ Днѣпру, кто—къ Воронежу. Но за шведами зорко наблюдалъ Великій Царь Россіи. Вся Европа притихла въ ожиданіи—чѣмъ кончится борьба, имѣвшая рѣшить судьбу восточной Европы.

Однако и сосѣдей нельзя было оставить безъ наблюденія. На первомъ планѣ, конечно, стояли поляки съ ихъ партіями—за, и противъ шведа. Въ Польшѣ Карлъ XII-й имѣлъ много сторонниковъ; тамъ находились еще немногочисленные шведскіе отряды генерала Брассова, поддерживающіе упавшій духъ союзниковъ. Не видная, но крайне необходимая для разрѣшенія въ общемъ ходѣ войны задача выпала на долю Рязанцевъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря полкъ выдѣленъ изъ состава главной арміи въ отдѣльный корпусъ фельдмаршалъ-лейтенанта Гольца и подъ командою князя М. М. Голицына выступилъ изъ Лебедина въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ Рязанцы провели зиму 1709 г., затѣмъ пошли на Волинь. А между тѣмъ, изъ Польши, въ концѣ марта, писалъ нашъ посолъ Украинцевъ: „очень будетъ хорошо, если придетъ сюда Гольць съ нашими войсками, а если не придетъ, то боюсь, чтобы поляки не пришли въ отчаяніе, потому что непріятель разоряетъ всѣ ихъ имѣнія.“ И Рязанцы спѣшатъ все впередъ. На Волини, подъ кляшторомъ Бѣлымъ, они разбиваютъ партію гетмана Сапѣги. Сохранилось извѣстіе, что въ дѣлѣ у кляштора попался въ плѣнъ полякамъ нашъ каптенармусъ Иванъ Володимирцевъ. Володимирцевъ вскорѣ вернулся въ полкъ, какъ отданный на размѣну, и приведенъ къ мѣстечку Угнуву (Чуднову).³⁷

Въ безпрестанномъ походѣ, въ погонѣ за шведско-польскими партіями, направляется полкъ ко Львову и, не дойдя до этого города, подъ мѣстечкомъ Каменкой, уничтожаетъ послѣ горячаго боя отрядъ старосты Бобровскаго. Нѣсколько штандартовъ и литавръ были его трофеями.³⁸

Событія подъ Полтавой, 27-го іюня 1709 года, застаютъ полкъ въ нѣдрахъ самой Польши, въ Браковѣ.

Но, хотя разбиты шведы, и приуныли ихъ сторонники, для Рязанцевъ находится еще работа въ Польшѣ чуть ли не на весь 1710 годъ: изгнать остатки непріятельскихъ отрядовъ, возвратить и утвердить на престолѣ законнаго короля Августа II-го.

Не особенно, какъ кажется, довольны были поляки такой онекой; по крайней мѣрѣ, въ началѣ 1710 года, кн. Г. Ф. Долгорукій писалъ слѣдующее объ нашемъ тамъ пребываніи:³⁹ „извольте Гольцу высококомнаршимъ указомъ подтвердить, чтобъ, хотя немного, теперь прежнюю горечь полякамъ засластить. Извѣстно, какъ наши люди съ поляками обходились, а теперь еще хуже поступаютъ; со всѣхъ сторонъ, особенно на Гольца, великія жалобы и слезы, что самъ онъ человѣкъ очень користолюбивый и своевольныхъ не унимаетъ. Безмѣрная мнѣ тягость отъ жалобщиковъ на нашихъ людей, больше на офицеровъ, и всего больше на иноземцевъ.“

„Тягость“ однако должна была скоро кончиться. Со второй половины 1710 года стали поговаривать о походѣ къ Гданску, для посадки на суда датской экадры. Въ союзъ съ Даніей предполагалась экспедиція въ самую Швецію, подъ Стокгольмъ. Надо полагать, что нѣкоторыя передвиженія были уже сдѣланы, но буря съ 4 на 5-го сентября уничтожила флотъ; планъ перевозки войскъ этой же осенью пришлось оставить. Возникъ новый проектъ: идти въ Померанію, гдѣ еще держался разбитый и вытѣсненный нами изъ Польши шведскій генералъ Крассовъ. Проектъ дѣятельно обсуждался, какъ вдругъ неожиданная гроза на югѣ отвлекаетъ силы Рязанцевъ въ ту сторону, гдѣ этого вовсе не ожидали.

